Онлайн-интервью официального представителя СК России В.И. Маркина интернет-изданию "Газета.ru"

«Следственный комитет никогда не был и не будет политически ангажированным ведомством»

В редакции «Газеты.Ru» завершилось онлайн-интервью с официальным представителем Следственного комитета России Владимиром Маркиным. В преддверии трехлетия со дня вступления в силу закона «О Следственном комитете Российской Федерации» он рассказал о ходе расследования громких уголовных дел, находящихся в производстве СК, о работе ведомства за три года его функционирования вне системы прокуратуры РФ, о предложениях СК по изменению российского законодательства и о многом другом.

Следственный комитет Российской Федерации СК РФ, Владимир Маркин

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—Здравствуйте! Мы начинаем онлайн-трансляцию беседы с официальным представителем Следственного комитета России Владимиром Маркиным. Владимир Иванович, большая честь – видеть вас здесь, в канун трехлетия, о котором мы поговорим позже. Первый вопрос возник сегодня, и он совершенно оперативный. Прошла информация, что в Кремле силовым ведомствам были даны указания прекратить PR-кампании вокруг громких коррупционных дел. Вы, как известно, являетесь одним из главных споуксменов, вообще, силового блока. Вы просто «лицо» всего этого. Означает ли это, что мы, читатели, зрители, слушатели видим вас в последний раз? И мы больше не увидим и не услышим ваших комментариев и выступлений? // Газета.Ru

—Тем более ценно будет вот это выступление, да?

—»Газета.Ru»: Тем более. Большая честь, прокуратор, мы гордимся этой возможностью.

—Маркин: Да. Ну что, напоследок что-нибудь сказать тогда. Да нет, ну, я, конечно, не комментирую какую-то информацию, тем более со ссылками на источники. Вообще, я слово «источник» не люблю. Почему – неоднократно об этом говорил. И как-то даже в одном из интервью, которое у меня брали после определенного моего выступления, и я тогда сказал, что я никакие источники никогда не комментировал, не комментирую и не буду комментировать. Что касается самой проблемы – пиара, особенно экономических преступлений, то я считаю, что здесь, действительно, излишне, если можно так выразиться, «запиаризирована» эта тема.

—»Газета.Ru»: Но она имеет свое оправдание. Людей все это страшно интересует. Вы знаете о социальном напряжении.

—Маркин: Нет, людей, конечно, страшно интересует. С нашей стороны, во-первых, мы ведь выдаем информацию, которая у нас есть. Мы не стремимся пиарить. Пиарит кто? Пиарят уже средства массовой информации. Телевидение берет это на основные выпуски, вы берете их в качестве главных новостей. Поэтому слово «пиарить», ну, если появляется на сайте Следственного комитета та или иная информация, это же не значит, что мы ее пиарим. А вот когда там устраивают «маски-шоу» на телевидении, когда еще не возбуждено уголовное дело, вот здесь, я считаю, это неоправданно.

—Вы знаете, это правда. И даже мы можем видеть это особенно по телесюжетам. Когда подозреваемый или задержанный уже представляется так, как будто приговор суда уже вынесен. С другой стороны, есть проблема. В целом есть социальное недовольство, что

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

информации либо недостаточно, по каким-то особенно, ну, скажем так, громким делам, либо она зачастую бывает неубедительная. Где, на ваш взгляд, тот баланс между спокойной и качественной работой следственных органов, а потом судебных органов, и качественным, своевременным и достоверным информированием, ну, скажем так, нас, как общества, о том, какую работу вы ведете? // Газета.Ru

—Ну, возвращаясь либо продолжая тему. Я говорил о том, что когда возбуждается уголовное дело, мы ведь говорим о нем достаточно сухо: возбуждено уголовное дело, по таким-то статьям, подозреваемые такие-то, подозреваются в том-то – все. Дальнейшее распространение информации – уже это к нам никакого отношения не имеет. И некоторые интерпретируют, мне звонят и говорят: вот вы там сказали то-то, то-то. Я открываю, допустим, ту или иную газету или открываю какой-нибудь сайт агентства, и там, действительно, есть интерпретация нашей информации журналистами, к которой мы никакого отношения вообще не имеем. Но это так подается, это так воспринимается читателем, слушателем или телезрителем, что это информация наша.

—Владимир Иванович, да вы на нас «стрелки» переводите. // Газета.Ru

—Ну, фактически да.

—Вот вы же сам журналист. Как вы вообще относитесь к такой подаче? // Газета.Ru

—А я отношусь как? Действительно, у журналиста задача такая – привлечь к своей информации как можно больше внимания. Но в этой ситуации журналист ведь не несет никакой серьезной ответственности. Он не искажает информацию. Это его представление, его, скажем так, домысел.

—Вы когда работали, вы так же поступали? // Газета.Ru

—Я так не поступал, честно вам говорю. Во-первых, когда я работал, у журналистов были совершенно другие условия для работы. Не совершенно, но немножко другие. Но еще раз повторю: я не хочу переводить какие-то «стрелки» на журналистов. Более того, я даже согласен с тем, что сегодня действительно существует перебор криминальной информации. Я же не говорю, что в том числе нашей вины в этом нет. Действительно, мы вот сейчас пересмотрели методы своей работы. И сегодня действительно принимаем критику на свой

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

счет. Потому что действительно кое-что нужно притушить, о чем-то, может быть, и не стоит говорить раньше времени. Самое главное, нужна результативность нашей работы. Если мы говорим «а», нужно говорить и «б». Если возбудили уголовное дело, и оно доведено до суда, и есть, не важно, какой приговор, там человек получил условный срок, или реальный срок, или даже оправдательный приговор, вот для этого существует наша правовая система, многоступенчатая: есть предварительное следствие, есть надзирающие органы в лице прокуратуры, которая надзирает за следствием, подписывает обвинительные заключения, и есть суд, судебное расследование, которое окончательно ставит точку в виновности либо невиновности того или иного человека и определяет степень вины.

—Владимир Иванович, к вопросу о прокуратуре. Мы с вами встречаемся в преддверии трехлетия вступления в силу закона о Следственном комитете как о самостоятельном ведомстве, вы уже три года почти работаете вне системы прокуратуры. Можете рассказать, легче ли стало раскрывать дела именно в таком формате работы и какие у вас взаимоотношения с Генпрокуратурой? Не у вас лично, понятно, а у Следственного комитета. // Газета.Ru

—Эта реформа, которая была проведена в 2007 году, когда из органов прокуратуры выделился Следственный комитет, вначале при прокуратуре, а потом и просто Следственный комитет Российской Федерации, подчиняющийся только президенту, эта реформа сыграла, конечно, свою роль. Потому что, если вы знаете, до этой реформы прокуратура обладала функциями и расследования, и надзора, и гособвинения. Естественно, когда в одном ведомстве сосредоточены такие полномочия, это играло определенную негативную роль. После того, когда выделился Следственный комитет в отдельную структуру, мало того, что следователь получил процессуальную независимость, но после того, как он получил эту процессуальную независимость, контроля за ним стало гораздо больше. В том числе изнутри. У нас, вы знаете, в Следственном комитете существует процессуальный контроль, который контролирует законность принятых решений, и надзор прокуратуры. Вы знаете, что если следователь возбуждает уголовное дело, то у прокурора есть право отменить постановление о возбуждении уголовного дела, если прокурор считает, что оно незаконно. В рамках расследования следователь, как я уже говорил, самостоятельная фигура, на него никто не может повлиять. В этом и смысл этой реформы. Но на этапе подписания обвинительного заключения, опять же, у прокурора есть право подписать или не подписать обвинительное заключение. Отправить для дополнительного следствия.

—А много конфликтов возникает с прокуратурой по этой части, или наоборот? // Газета.Ru

—Вы знаете, конфликты – это рабочие моменты, абсолютно. И в этом отношении мы считаем,

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

что это совершенно адекватная и правильная система.

—Владимир Иванович, еще один оперативный вопрос, информация возникла только сегодня. Дальше перейдем уже к вопросам читателей. Прокомментируйте, пожалуйста, сегодняшнее сообщение Следственного комитета о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката Мусаева, принимавшего участие в процессе Буданова. Вот сегодня на сайте СК вышла информация, что против него возбуждено два уголовных дела и якобы он подкупал присяжных. // Газета.Ru

—А что я могу на это ответить? Уже все сказано в сегодняшнем нашем сообщении. Действительно, в ходе судебного процесса, который, как вы помните, недавно закончился приговором суда в отношении убийц Буданова, со стороны Мусаева выявлены нарушения закона.

—Не только Мусаева, но и ряда бывших присяжных, которые принимали участие в этом процессе. Сейчас возбуждено уголовное дело. Причем уголовное дело возбуждено Главным следственным управлением Следственного комитета. Оно будет расследоваться.

—А можно ли сказать, оно возбуждено по заявлению или по оперативной работе? // Газета.Ru

—Нет, оно возбуждено по фактам, выявленным в ходе оперативно-разыскной деятельности.

—Может быть, это сложный вопрос, может, наоборот, очень простой. Смотрите, возвращаясь тем самым к громким делам, сразу возникает, во всяком случае у огромного сегмента общества, такая мысль, что здесь обязательно есть политический компонент, а здесь обязательно кто-то на кого-то надавил, кто-то кого-то заставил. Как вы полагаете, во-первых, откуда все время возникает этот политический флер? И как, на ваш взгляд, его можно избежать? Потому что прежде всего это в ваших интересах, это ровно то самое убедительное представление доказательств, не в смысле следственных, а доказательств своей эффективной и непредвзятой работы. То есть для вас это просто жизненно. Следственный комитет часто называют политически ангажированным, отдельным политическим институтом. // Газета.Ru

—Мы, конечно, с этим сталкивались, сталкиваемся и, я думаю, скорее всего, будем сталкиваться. Кстати, не только у нас, как вы понимаете, но и во всем мире, это общепринятая такая практика защиты. Когда человек попадается на банальном уголовном преступлении,

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

сразу выдвигают какие-то политические объяснения. Вы обратили внимание, например, в отношении мэров возбуждаются уголовные дела. Один мэр просто спокойненько принимает это как есть, а другой начинает говорить о каких-то политических заказах. Знаете, такое впечатление, что у нас есть такое бюро заказов, и к нам приходят и заказывают политические, экономические дела. Ну полный бред. Так вот, и самое интересное, что ведь люди, которые говорят о политическом заказе, ведь они обвиняются в самых разных преступлениях, начиная с уголовных дел об изнасилованиях, заканчивая обычными, банальными взятками. Когда видеокамеры фиксируют момент взятки, или берут с поличным в момент взятки, и человек набирается наглости, говорит о каком-то политическом заказе. Вот я уже неоднократно говорил о мэре Ставрополя Бестужеве. Так он в течение срока, когда находился под стражей, умудрялся обвинить нас в том, что его чуть ли не пытали во время следствия. Оперативные сотрудники помогли нам раскрыть: он, оказывается, до этого интересовался у одного из сокамерников, а какие обычно применяют пытки. И тот ему, видимо, как в песне Высоцкого, «и бывший зэк, большого риска человек», рассказал. Представляете? Люди идут даже на это. Ну, мы легко развенчали все эти бредовые предположения.

—Так вот, что касается «бюро политических заказов». Вы же понимаете, для чего это делается? Для того, чтобы привлечь к себе внимание, ввести следствие, ввести общественность в заблуждение, чтобы постоянно в средствах массовой информации каким-то образом пытались защитить того или иного фигуранта. Я считаю, что... не то что считаю, я просто уверен в том, что Следственный комитет никогда не был и не будет никаким политически ангажированным ведомством. Мы занимаемся расследованием уголовных дел. Вы посмотрите в Уголовный кодекс. У нас там нет нигде главы «Политические дела». Есть экономические.

—В недавнем интервью в ответ на обвинения Кудрина в том, что Следственный комитет портит инвестиционный климат необоснованными уголовными делами, вы заявили, что «экономические преступления в сфере бизнеса не входят в компетенцию СКР, а подследственны органам следствия МВД». Тогда почему именно СК возбудил уголовные дела в отношении Навального и его брата по статье «Мошенничество»? // Александр

—Вы знаете, вот тут сейчас опять нужно говорить о правовом нигилизме нашего общества. Я уже об этом сколько раз говорил. Причем это, опять же, формируют не средства массовой информации, а в большей части, может, даже художественные сериалы. Люди должны знать, кто из правоохранителей чем занимается.

—Вот с тем же Навальным мы уже неоднократно об этом говорили. Конечно, большая часть экономических преступлений – это не подследственность Следственного комитета. Но дело в том, что Навальный, как и другие адвокаты, как и депутаты, как и прокуроры, как и

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

следователи, являются спецсубъектами. И в отношении них применяется особый порядок производства по уголовным делам. Только поэтому уголовное дело в отношении Навального расследовал Следственный комитет. Только поэтому, и ни по каким другим причинам.

—То есть если бы он не был адвокатом, Следственный комитет бы за него и не взялся. // Газета.Ru

—Никогда бы не занимался. Это была бы подследственность органов внутренних дел, и они бы расследовали это все. Вы просто запомните. Я надеюсь, здесь будет окончательно поставлена точка в том, почему Следственный комитет занимается такими мелкими делами. У нас очень много таких дел, где адвокаты, судьи, которые совершили ДТП, полицейский, следователь, совершивший ДТП. Мы же ДТП не расследуем, дорожно-транспортные происшествия. Даже если смертельный случай, это подследственность полиции. Но если это ДТП совершает один из названных мною спецсубъектов, начиная от депутата, адвоката, работников прокуратуры, следствия, тогда это расследует Следственный комитет. Вот и вся причина.

—А если сотрудник сам из Следственного комитета? // Газета.Ru

—Расследует Следственный комитет.

—»Газета.Ru»: Сам сломаю, сам и починю?

—— Так записано в Уголовно-процессуальном кодексе. Раньше, когда прокуратура обладала функциями расследования, они также расследовали дела в отношении своих сотрудников. Еще раз повторяю: мы работаем по тем законам, которые действуют, которые депутаты придумали для нас для всех.

—В СК есть общественный совет. Какова роль этого органа в защите прав граждан, рассматривает ли он обращения граждан? Однажды я обратился в новый совет при СК, но ни ответа, ни привета от них так и не получил. Как можно обратиться напрямую, и можно ли вообще? Владимир Стукалов, предприниматель. Волгоград.

—И мы бы еще добавили к вопросу: насколько вам граждане помогают в работе, их обращения? // Владимир Стукалов

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—Давайте начнем с того, что общественный совет при Следственном комитете давно существует. Даже более того скажу, общественные советы есть при каждом региональном следственном управлении. Общественный совет – это совещательный орган. В него входят представители самых разных общественных организаций, профессиональных, творческих объединений, разных конфессий. Но дело в том, что у него нет функций рассмотрения обращений граждан. Для того чтобы граждане обращались и могли получить реальную помощь, у нас есть очень много других механизмов. Причем даже дистанционных. Я не говорю уже о приеме граждан, который осуществляет председатель Следственного комитета лично. Один раз в месяц он принимает граждан. Бывает, эти приемы длятся до утра, пока не примет всех. Более того, Александр Иванович приезжает в регионы, там часто осуществляет прием граждан. Кроме того, руководители наших управлений по аналогии с председателем также осуществляют личные приемы. Более того, Александр Иванович один раз в месяц по телефону принимает заявления. Ну и, кроме всего прочего, есть интернет-приемная. Есть блог председателя, на который люди пишут. Блог председателя, он в компетенции нашего управления. Все жалобы, все заявления, которые приходят в блог председателя, мы ему направляем, и он обязательно по всем вопросам дает распоряжение проверить.

—А откуда вот такие ситуации возникают: написал – и ни ответа, ни привета? Может, не туда написал? // Газета.Ru

—Понимаете, общественный совет, еще раз говорю, у него нет функции рассмотрения жалоб. Я уже назвал ряд инструментов, куда можно обратиться. Более того, у меня есть, как вы знаете, твиттер-аккаунт.

—»Газета.Ru»: Кстати, был у нас вопрос, почему мы вы перестали вести твиттер.

—— Ну пожалуйста, давайте отвечу сразу и на этот вопрос. Дело в том, что я, создавая свой аккаунт, не собирался просто потусоваться в твиттере: пью кофе, поехал туда, выехал оттуда, увидел – рассказал, не увидел – тоже рассказал. Я его создавал действительно для «обратной связи».

—»Газета.Ru»: А почему замолчали? Люди волнуются.

—— А вы же не знаете. Я отвечаю, не публично. Мы отвечаем людям, которые пишут нам...

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—»Газета.Ru»: А много людей в твиттер вам пишут?

—Много пишет людей, очень много.

—»Газета.Ru»: И всем отвечаете?

—— Есть, конечно, специфический контингент. На те обращения, которые действительно требуют нашей реакции, мы обязательно отвечаем. Есть обращение, которое требует очень серьезного разбирательства. Более того скажу, по некоторым обращениям даже возбуждены уголовные дела. Во всяком случае, проведены доследственные проверки.

—Существует ли какая-то статистика, сколько преступлений удалось раскрыть благодаря обращениям граждан, которые указывали на какие-то правонарушения? // Газета.Ru

—Вот, смотрите, я могу сказать, что по результатам рассмотрения обращений, которые содержат признаки преступлений, мы организуем процессуальные проверки. Например, после поступления в твиттер сообщения о предполагаемом педофиле во Владимирской области мы организовали процессуальную проверку, по результатам было возбуждено уголовное дело. Оперативно было возбуждено дело по сообщению об избиении несовершеннолетнего группой подростков в Санкт-Петербурге.

—Многие спрашивают, почему развалилось «игорное дело» и почему все сидельцы в итоге вышли из-под ареста? // Газета.Ru

—Вы знаете, я сейчас не хотел бы это комментировать.

—Здравствуйте. Есть масса фотографий и видео в интернете по событиям 6 мая прошлого года. У многих людей там были знакомые. Все это говорит о жесточайшем избиении ОМОНом людей. Следственный комитет этого не заметил. Теперь садисты, избивавшие людей, – потерпевшие, а избитые люди – подсудимые. Все поставлено с ног на голову. Следственный комитет не попытался ни одного из избивавших людей посадить. А тех, кого избивали, пытаются. Вы не моли бы это объяснить? Нет ли планов у Следственного комитета поменять направленность своей работы – признать избитых избитыми, а избивавших избивавшими? // Николай

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—Вообще-то я могу этот вопрос не комментировать, поскольку дело в суде. По выделенным уголовным делам, насколько я знаю, уже есть приговоры суда. Если все-таки вернуться к этому делу, то я бы ответил так. Во-первых, как вы знаете, уголовное дело первоначально возбуждалось по 212-й статье, по факту массовых беспорядков. Ну а то, что массовые беспорядки были, вы, наверное, не будете отрицать, вы все это видели. И сотрудники полиции действовали строго в рамках закона. И 318-я статья – применение насилия в отношении представителей власти – появлялась уже в ходе расследований, и индивидуально к каждому, кто применял это насилие. Полицейские действовали, защищая закон, защищали порядок. То, как они действовали, мы тщательно проверяли каждый факт.

—Более того, даже, если помните, там где-то в интернете появился материал о том, что там якобы полицейские избивали какую-то беременную женщину, помните, да? Потом оказалось, это не беременная женщина, а юноша, и все было ровно наоборот. Но мы проводили процессуальную проверку, мы нашли этого «беременного человека», нашли свидетелей. Если вы имеете в виду вот такие факты... Это только предположения. Следствие же руководствуется конкретными фактами. У нас было очень много видео, очень много, которое следователям пришлось отсмотреть. Было сделано большое количество экспертиз, было допрошено большое количество свидетелей. И вот все, что сделало следствие, сегодня в суде. И суду решать степень вины того или иного участника этих беспорядков.

—Еще одно громкое дело – «Оборонсервис». Вопрос в следующем: как движется следствие, насколько скоро дело может быть передано в суд? Многие читатели интересуются, почему экс-министр обороны Сердюков проходит как свидетель по этому делу. // Газета.Ru

—Знаете, мне иногда звонят журналисты по мобильному телефону, для многих мой телефон открыт, и это нормально, и задают такие вопросы, предполагая, что я читаю все уголовные дела. Представляют меня таким гением, или, по меньшей мере, компьютером, который запоминает все и знает все о всех. Могу вас огорчить, это не так. Я не гений. Я не могу, к сожалению, может быть, к счастью, знать все подробности уголовных дел. Почему Иванов проходит свидетелем, почему Петров проходит подозреваемым или потом обвиняемым. Я знаю только основу, которую мне предоставляют наши следователи. Дело «Оборонсервиса» я, естественно, никогда не читал. И, может быть, прочту его после того, когда оно появится в архиве. И почему Сердюков в качестве свидетеля – я не могу вам сказать. Я могу только сказать, что в данный момент есть ряд обвиняемых, которые уже читают материалы уголовных дел. А их, вы знаете, у нас там два, крупных, по «Оборонсервису» и по «Славянке». Я знаю только, что госпожа Васильева по каким-то причинам не читает это уголовное дело.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—»Газета.Ru»: Почему?

—— Давайте зададим вопрос все-таки Васильевой.

—Вот мы те самые журналисты, которые звонят вам и задают вопрос: почему у вас Васильева не знакомится с материалами дела? // Газета.Ru

—Почему кто-то сотрудничает со следствием, а кто-то ссылается на 51-ю статью Конституции и отказывается не то что сотрудничать, вообще говорить со следователями, но очень активно разговаривают с вашими коллегами? Более того, пишут открытые письма.

—— Но это их право, согласитесь.

—— Это их право, абсолютно. Давайте дождемся сейчас суда. А суд обязательно будет, в этом я могу вас заверить.

—Владимир Иванович, скажите, как контролируется деятельность СК и как отвечают следователи в случае откровенных подтасовок фактов и прочих нарушений в процессе уголовного дела? // Газета.Ru

—Знаете, существует определенное мнение, что Следственный комитет работает бесконтрольно. Я вас спешу заверить, что это не так. Более того, это совершенно не так. Я уже говорил об этом: есть прокуратура, которая осуществляет надзор за Следственным комитетом, есть внутренний процессуальный контроль, в конце концов, есть суд.

—Владимир Иванович, я на самом деле не хотел задавать этот вопрос, потому что история старая, и ответ, в том числе вами, был уже неоднократно дан. Но все-таки, несмотря на это, наших читателей до сих пор волнует история с вашим дипломом. Может, расскажете лучше, на какую тему вы защищали диплом, как именно он писался? // Газета.Ru

—Вы правильно сказали, что эта тема действительно кроме улыбки больше ничего не вызывает. Потому что у людей, которые постоянно поднимают ее, видимо, больше нет никаких тем, чтобы меня еще раз поддеть. Я вас спешу заверить, меня это абсолютно не задевает, потому что у меня нормальный абсолютно диплом о втором высшем образовании. Что

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

касается самой темы диплома... я сейчас вспомню, как она называется... «Теория и практика взаимодействия следственных органов со средствами массовой информации в борьбе с преступностью». Вся дипломная работа у меня была основана на конкретных примерах, с которыми я сталкивался, уже работая в Следственном комитете. Диплом писался с большим удовольствием. Это было легко и интересно.

—Еще одно дело, которое на слуху, -- захват судна «Арктик Санрайз». Очень много вопросов по поводу Greenpeace от наших читателей. Ответьте, пожалуйста, почему первоначально активистам было предъявлено обвинение в пиратстве, хотя изначально было понятно, что платформа «Приразломная» – стационарный объект, а не судно? Почему обвиняется повар, например, в том же, в чем и активисты? Почему обвиняется в том же самом фотограф Денис Синяков, который выполнял свои профессиональные обязанности на этом судне? // Газета.Ru

—Вы знаете, такой интерес к этому делу. Даже мне в твиттер написала известная мексиканская актриса Сильвия Навара с обращением: отпустите. Как будто я лично их держу в заточении. Смешно. На самом деле это не смешно. Ведь когда возбуждалось уголовное дело, все, абсолютно все, и повара, и журналисты, присутствующие там, все пошли, опять же, на 51-ю статью Конституции – никто не стал давать показания. И следователи на первоначальном этапе не могли выяснить, как было на самом деле. Все отказались говорить. Поэтому следствие вынуждено было давать оценку их действиям исходя из имевшихся на тот момент данных.

—Хотите, расскажу, какая была вообще картина, как все было, по версии следствия? Группа лиц на «Арктик Санрайз» с большим количеством оборудования, причем неизвестно, какого предназначения, нарушает 500-метровую зону безопасности платформы «Приразломная». Приближается к ней. Полностью игнорируются предупреждения об опасном приближении к платформе. Потом спускается несколько лодок, эти лодки подплывают к платформе и с помощью специального оборудования пытаются на эту платформу подняться. Требования представителей власти полностью игнорируются. Более того, если вы помните, пошли на таран пограничной лодки. И вот как вы представляете, как должно следствие отреагировать на эти действия? Естественно, было возбуждено уголовное дело, вначале по признакам пиратства. После того, как все-таки следствие тщательней стало разбираться, квалификация поменялась. Но я еще раз повторяю, к некоторым из нападавших, кроме обвинения в хулиганстве, будет предъявлено еще и обвинение по квалификации «сопротивление сотрудникам правоохранительных органов». Что же касается, кто из них повар, а кто фотограф, на тот момент следователей это не интересовало. Так как показаний никто не давал, следователям пришлось самим разбираться, участвовали ли повар или фотограф в захвате платформы, или не участвовали.

—Но, следуя этой логике, получается, что любой журналист, освещающий, например, военные

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

действия, может подвергнуться уголовному преследованию... // Газета.Ru

—Еще раз повторяю, если бы на первоначальном этапе расследования фотограф или повар просто стали давать показания, например, что я сидел возле своего котла и варил русский борщ для наших зарубежных гостей, тогда все было бы понятно. Или фотограф бы сказал, что он сидел на своем судне и фотографировал. Никто же этого не сказал. Поэтому нужно было в рамках расследования выяснить роль каждого. Что и делало следствие.

—Ну так потом появилась информация, что у Синякова было на руках редакционное задание от Lenta.ru. // Газета.Ru

—Вы знаете, вы опять руководствуетесь какими-то слухами. А мы руководствуемся материалами уголовного дела. Вот пока я о таких фактах не знаю, у кого было какое редакционное задание. Может быть, и было.

—Одного из наших читателей волнует вопрос о рекламных конструкциях на дорогах, о рекламных щитах, которые встречаются каждые 5–10 метров. У него вызывает сомнение их законность. Еще один читатель интересуется, собирается ли СК бороться с плагиатом. // Газета.Ru

—Да, действительно, с одной стороны, это очень почетно, что у некоторых читателей такое представление, что Следственный комитет занимается буквально всем, и плагиатом, и конструкциями. Но, к сожалению или к счастью, не все в подследственности Следственного комитета. Но эти вопросы не к нам.

—Некоторые недовольны тем, как СК борется с террористами... // Газета.Ru

—Это, опять же, типичное заблуждение у наших граждан, что Следственный комитет обладает оперативными функциями. К сожалению, мы начинаем работать уже только после свершившегося преступления. В том числе и после терактов.

—— Вы хотите сказать, что предотвращать – это к полиции и ФСБ.

—— Предотвращение и профилактика – это, конечно, вопросы к оперативным службам. Что касается результатов расследования уголовных дел террористической направленности, то я

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

могу сказать, что Следственный комитет вполне успешно с этой задачей справляется. Я могу только вспомнить все громкие теракты, которые произошли в той же Москве. Это теракты, совершенные в Московском метрополитене, в Домодедово. Готовящийся теракт на Красной площади, если вы помните, предотвратили. В тесном, кстати, взаимодействии с оперативными сотрудниками МВД, ФСБ. Фактически все теракты были раскрыты. Главная задача, к которой мы стремимся, – неотвратимость наказания. В этом отношении, я считаю, мы вполне успешно справляемся.

—Владимир Иванович, некоторые люди не понимают, какие у вас полномочия в СК и за что вы там отвечаете. Многие называют вас «официальный представитель», а это некоторым читателям не совсем понятно. // Газета.Ru

—Официальная должность моя называется – руководитель Управления взаимодействия со средствами массовой информации. И отвечаю я именно за взаимодействие Следственного комитета со средствами массовой информации, а фактически с обществом. Я отвечаю за информированность общества о деятельности Следственного комитета в целом. Что же касается термина «официальный представитель», так это вы, журналисты, меня так называете. Как я понимаю, для простоты и удобства.

—Читатели возвращают нас опять к «Оборонсервису» и госпоже Васильевой и спрашивают: почему одних за одни и те же преступления сажают в СИЗО, а другим создают курортные условия в 13-комнатной квартире. Такое положение создает недоверие народа к вашим действиям, пишет наш читатель. // Газета.Ru

—Что касается предоставления 13-комнатной квартиры, Следственный комитет не предоставлял таких квартир и не создавал курортные условия. Это было, как говорится, еще до нас, как, помните, в фильме: «До нас еще было, в XIII веке». Что касается принятия тех или иных решений, следователь – процессуальная независимая фигура. Он вправе принимать самостоятельные решения. Это в том числе касается и меры пресечения. Это все входит, кстати, в тактику расследования.

—Если следователь считает, что такая тактика не приведет к нежелательным последствиям – подозреваемый не скроется от следствия, не повлияет на расследование, он вправе применять ту или иную меру пресечения индивидуально. Опять же, я не могу отвечать за следователя, почему он к одному применяет такую меру пресечения, а к другому другую.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—Владимир Иванович, на днях Путин раскритиковал либерализацию Уголовного кодекса. И вот в связи с этим вопрос: вы как считаете, стоит опять ужесточать Уголовный кодекс? // Газета.Ru

—Знаете, наше дело расследовать уголовные дела, по тем законам, которые действуют в стране. А рассуждать, насколько либеральны те или иные законы или не либеральны, жесткие или мягкие, – это не наше дело. Мы расследуем в рамках действующего законодательства.

—Мы не согласны. То или иное законодательство имеет последствия, социальные, правовые, какие угодно, в том числе для качества работы вашего ведомства. Отвечая на предыдущий вопрос, вы сказали о неотвратимости, но мы все время зашкаливаем с соразмерностью. Весь подход властей состоит в том, чтобы закрутить, ужесточить, усилить. Вы работаете с последствиями этих политических и законодательных решений. И как раз вам должно быть очень хорошо видно, насколько это закручивание работает с точки зрения эффективности, с точки зрения социальных последствий. Можно, конечно, всех пересажать. Ну и что? // Газета.Ru

—Пока, насколько мы с вами знаем, за последние годы у нас речь шла о либерализации, а не закручивании.

—— Да, но по факту мы ее все равно не имеем, либерализацию.

—— Ну как не имеем?

—— Мы знаем статистику оправдательных приговоров. Мы знаем статистику обвинительных приговоров. Часто мы слышим упреки о том, что административные правонарушения в России в последние год-полтора трансформируются в уголовные дела. И когда мы слышим об очередном ужесточении наказаний, то первый вопрос возникает: ну что, всех пересажать, что ли, задача?

—— Это не предмет нашей сегодняшней беседы, нашего разговора. Это совершенно другая тема.

—— Мне кажется, что у Следственного комитета должна быть позиция на сей счет.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—— Нет, у нас есть своя позиция, и мы неоднократно выходили с законодательными инициативами, как вы знаете. Они касались непосредственно нашей работы. Но наказания за те или иные преступления, думаю, это все-таки не наш вопрос.

—Владимир Иванович, вот в связи с недавними известными событиями в Бирюлеве, есть ли намерения у Следственного комитета предложить какие-то изменения в миграционное законодательство либо в тот же Уголовный кодекс? // Газета.Ru

—Вы знаете, что мы неоднократно обращали внимание на неуклонный рост числа преступлений, совершенных мигрантами и выходцами из стран СНГ. Я могу привести пример, что только в Москве иностранными гражданами и лицами без гражданства в первом полугодии 2013 года было совершено более шести тысяч преступлений. Если быть точным, это 6255 преступлений. Что больше на 40 с лишним процентов по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

—Тут необходимо уточнить. Буквально недавно московская полиция давала статистику. Так вот, по их статистике, в Москве порядка 50 процентов преступлений совершается иногородними. Под иногородними в данном случае понимаем всех -- и не жителей Москвы, и не граждан. Порядка 20 процентов от раскрытых совершено не гражданами Российской Федерации. // Газета.Ru

—Я имею в виду всех иностранных граждан. Так вот, почти все эти преступления, а точнее, почти 98 процентов, совершены гражданами стран ближнего зарубежья. То есть вот из этих ста процентов буквально три процента совершается гражданами, например, европейских стран, а основная часть совершается нашими соседями. В 2013 году иностранцами совершалось почти каждое шестое убийство и каждое третье изнасилование.

—Мы подготовили ряд предложений, связанных с контролем миграционных потоков, профилактикой преступлений, совершаемых гражданами стран ближнего зарубежья. Это, во-первых, создание координационного центра мониторинга ситуации, оперативного планирования, решения вопросов обеспечения законности в сфере внешней миграции. В том числе для оценки эффективности полномочных органов. Это организация горячих телефонных линий для получения информации о нарушениях миграционного законодательства. В том числе о незаконном привлечении мигрантов к трудовой деятельности, это очень важно, и массовом противоправном расселении.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—Что касается повышения раскрываемости преступлений, совершенных мигрантами, то мы уже давно выступали с инициативой о введении дактилоскопии и геномной регистрации мигрантов. Вот это может резко повысить раскрываемость преступлений, совершенных мигрантами.

—Вы в данном случае имеете в виду трудовую миграцию? Все, кто въезжает с официальным разрешением на работу? // Газета.Ru

—Да. Пока речь идет хотя бы об этом. Потому что, как вы знаете, вот, в частности, если говорить о последнем преступлении, которое было в Бирюлеве, то если бы у нас были геномные образцы или отпечатки пальцев, мы бы вышли на подозреваемого буквально в течение нескольких часов.

—Но нелегалов вы все равно дактилоскопировать не можете. // Газета.Ru

—Но это уже не наш вопрос, как бороться с нелегалами. Вы знаете, для этого существуют определенные службы.

—Владимир Иванович, вернемся еще к одному конкретному делу – делу хоккеистов Лукоянова и Груздева. Напомню, что в августе в Татарстане хоккеист «Ак Барса» Артем Лукоянов и его друг хоккеист из «Нефтяника» Максим Груздев якобы побили полицейских. Вместе с тем Лукоянов отпущен на свободу и находится в расположении команды, ездит вместе с ней на игры. Это значит, что некоторым людям позволено бить полицейских, а некоторым нет? // Газета.Ru

—Я, в принципе, в общих чертах знаком с этим делом. Опять же, повторяю, что следователь самостоятельно выбирает тактику расследования уголовного дела, и ему определять избрание меры пресечения. Вот насколько я знаю, этим хоккеистам была избрана мера процессуального принуждения, это обязательная явка, которую они в ходе следствия ни разу не нарушили. Поэтому у следователя не было, наверное, оснований изменять ее на более строгую. Насколько я знаю, и Лукоянов, и Груздев в ходе следствия свою вину признали. Следствие завершено, и сейчас, насколько я знаю, дело уже направлено в суд для рассмотрения по существу.

—В чем необходимость введения уголовной ответственности для юридических лиц, что предлагает СК? Насколько вообще реально привлечь юрлицо к уголовной ответственности? // Газета.Ru

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

—Следственным комитетом уже подготовлен проект закона об уголовной ответственности юридических лиц. Он предусматривает широкий спектр видов наказаний, которые могут быть назначены организациям, признанным виновными в совершении преступления. В отношении виновной организации предполагается предусмотреть ряд правовых последствий, в том числе судимость на определенный срок. Сейчас проект закона вынесен на общественное обсуждение. Он уже поддержан Росфинмониторингом, Институтом законодательства и сравнительного правоведения, а также рядом других ведомств.

—Стоит сказать, что, по данным Центрального банка, в прошлом году чистый отток капитала из России составил 56,8 млрд долларов. Из них 35,1 млрд выведены в рамках сомнительных финансовых операций. Это означает, что встречные обязательства по международным контрактам, по которым перечислялись эти денежные средства, так и не были исполнены либо контролирующим организациям были предоставлены подложные документы об их исполнении. В подавляющем большинстве случаев бенефициаров этого капитала выявить не представилось возможным. В результате подобных операций бюджетная система недополучила порядка 450 млрд руб., а с учетом внутренних незаконных операций (через фирмы-однодневки) – более 600 млрд. Причем большая часть из сомнительно перечисленных денежных средств поступила не в страны с инвестиционно-привлекательной экономикой, а в офшорные юрисдикции с низким уровнем прозрачности. Есть все основания полагать, что незаконно выведенные денежные средства являются доходом, полученным в результате совершения преступлений. Сложившаяся ситуация не мотивирует субъектов экономической деятельности к добросовестному исполнению своих обязанностей по уплате платежей в бюджет. На практике широкое распространение получили откровенно недобросовестные схемы ухода от налогообложения.

—Сейчас в российской уголовно-правовой доктрине юридическое лицо рассматривается в качестве орудия преступления, которое используется физическим лицом для достижения преступной цели. Практика юридической ответственности юридических лиц существует в большинстве развитых стран. И здесь можно было бы обратиться к опыту Украины: там наблюдаются те же негативные тенденции, что и в России. К ним относятся высокая доля теневого сектора, снижение прямых иностранных инвестиций, незаконный вывод капитала за рубеж, офшоризация, сокращение темпов роста пополняемости бюджета за счет фискальных платежей, коррупция в сфере распоряжения государственным имуществом и расходованием бюджетных средств. Общий объем прямых иностранных инвестиций в Украину в 2011 году составил всего 6,1 млрд. долл. (для сравнения, инвестиции в Польшу только в 2008 году – 16,5 млрд. долл., а в Чехию – 10,7 млрд. долл.). При этом большая часть из поступивших средств является реинвестициями из офшорных юрисдикции, в первую очередь из Кипра. В этих условиях неудивительно, что высшее руководство страны усиливает правоохранительную составляющую участия государства в экономике и осознает неизбежность усиления борьбы с

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

преступлениями против государственных финансов.

—В июне 2013 года на Украине принят закон, которым введена уголовная ответственность юридических лиц, это уже шестое государство из числа бывших республик СССР, в котором введена такая ответственность.

—Наши читатели интересуются, как работает «обратная связь» с СК для сообщений о фактах коррупции. Насколько я знаю, для коррупционных преступлений у вас какая-то отдельная линия существует. И, кроме того, читатели просят подробнее рассказать о коррупции в рядах сотрудников Следственного комитета и как вы с этим боретесь. // Газета.Ru

—Во-первых, я еще раз могу напомнить, что у нас есть несколько каналов обратной связи. Кроме того, что я уже озвучил, есть еще «телефон доверия», он опубликован на сайте Следственного комитета. И я могу сказать, что мы получаем много жалоб, в основном на чиновников. И я могу заверить вас, что ни одно обращение не остается без внимания. Могу даже привести некоторые цифры. За шесть месяцев текущего года от граждан и общественных объединений поступило порядка полутора тысяч обращений о коррупционных преступлениях. По результатам их рассмотрения было возбуждено около 700 уголовных дел. В целом за девять месяцев 2013 года в Следственный комитет поступило более 35 тысяч сообщений о преступлениях коррупционной направленности. И вот после проведения проверок по ним возбуждено более 24 тысяч уголовных дел. К уголовной ответственности привлечено 800 должностных лиц, которые обладают особым правовым статусом, – чиновников, депутатов, адвокатов, мэров, губернаторов.

—Кстати, к вопросу о коррупции внутри системы, как в Следственном комитете с зарплатами? Они высокие, низкие, вы дофинансированы, недофинансированы? // Газета.Ru

—В последнее время зарплаты в принципе повышаются, в том числе и в Следственном комитете. Но я бы не сказал, что они повышаются очень резко и что у нас все довольны уровнем своей заработной платы. Я, конечно, не могу за всех говорить. У нас в этом отношении существует принцип: если кого-то не устраивает зарплата, человек сам вправе выбирать себе работу.

—Что касается, коррупции в правоохранительных органах и, в частности, в Следственном комитете, я могу привести конкретные цифры. За девять месяцев этого года к уголовной ответственности привлечено 11 сотрудников Следственного комитета. Если выявляется факт коррупции в наших рядах, то никакой скидки на то, что он наш сотрудник, нет. Для

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

сравнения, в МВД этот показатель составил почти тысячу человек, но у них, надо сказать, и сотрудников гораздо больше. У ФСИН – 264, Федеральной службы судебных приставов – 236, и так далее.

—То есть у Следственного комитета немного коррупционеров? // Газета.Ru

—Немного, но они есть. И мы с этим реально боремся.

—Владимир Иванович, наша читательница Юлия Светашова интересуется, как в СК поступают с изъятыми драгоценностями и почему их не возвращают владельцам? Куда вы их деваете, спрашивает она? // Газета.Ru

—Если изъятые в ходе обыска предметы имеют доказательственное значение для уголовного дела, то они, естественно, признаются вещдоками. И их судьба уже будет решаться в суде, после вынесения приговора. Не исключен вариант, что вещдоки могут быть возвращены владельцу, если это возможно без ущерба для доказывания. Но, специально для Юлии, еще раз повторю, что следователь вправе изъять в ходе обыска ценности и ходатайствовать перед судом о наложении на них ареста для обеспечения возмещения причиненного преступлением ущерба. Это может быть и гражданский иск по преступлению против личности, и ущерб в результате экономического преступления.

—Владимир Иванович, как часто в ходе расследования коррупционных преступлений удается возместить ущерб, нанесенный бюджету РФ? А то складывается впечатление, что чиновнику не очень страшна неотвратимость наказания, поскольку он свои миллионы спрятал, посидит немножко, выйдет – и все у него потом будет прекрасно. // Газета.Ru

—Ну, вы знаете, если говорить о наказании, это, конечно, прерогатива суда, в том числе и наложение штрафа. Но и у следователя есть определенные полномочия. У него есть возможность ходатайствовать перед судом об аресте имущества обвиняемого. И, кстати, очень часто это ходатайство помогало потерпевшим возместить ущерб. Я могу вам привести пример по делу о пожаре в «Хромой лошади». Вот вовремя заявленное ходатайство следователя об аресте имущества, счетов обвиняемых (а вы знаете, хозяева клуба не бедные люди) помогло возместить хоть какой-то ущерб, причиненный и пострадавшим, и родственникам погибших. И вы знаете, что по делу о хищениях в Минобороны уже возвращена часть похищенного имущества. Это акции ряда госпредприятий, арестовано значительное количество имущества обвиняемых. И могу еще привести такую цифру: благодаря усилиям следователей в 2012 году государству возмещено около 2 млрд рублей. Уже в этом году ущерб по направленным в суд уголовным делам составил 9 млрд рублей. И из них почти 4 млрд уже возмещено, а на

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

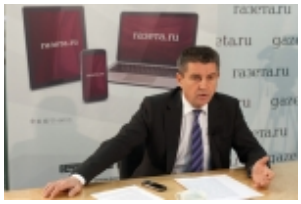
имущество той же стоимостью наложен арест. То есть фактически нашими силами в текущем году приняты меры для обеспечения возмещения порядка 80 процентов причиненного ущерба.

—Владимир Иванович, спасибо вам большое, что вы пришли к нам. Частично Следственный комитет удовлетворил запросы читателей, частично сохранил, что и следовало ожидать, интригу и тайну следствия и не ответил на ряд вопросов прогрессивной общественности. // Газета.Ru

—Я еще не задавал вам вопросов. Как говорится, «вопросы здесь задаем мы».

—Здесь, слава богу, в редакции «Газеты.Ru», вопросы задаем мы. И мы надеемся, что в дальнейшем продолжим эту практику.

Изображения

08 Ноября 2013

Адрес страницы: https://sledcom.ru/press/interview/item/507940

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации